

„Петр Великий“ или „Николай кровавый“

Загадка Сталина.

«Plus ça change, plus c'est la même chose», — чем больше это изменяется, тем больше остается тем же самым. Так, при чрезмерном скептицизме, можно было бы охарактеризовать сталинскую реформаторскую стадию в истории Русской революции. Но это был бы именно скептицизм чрезмерный. В известном смысле, уже теперь можно говорить о ленинском «до-реформенном» периоде Русской революции и о сталинском «по-реформенном» ее периоде, как говорится о России после Петра Великого и Александра II-го. Однако, такая повышенная оценка реформаторской деятельности Сталина возможна лишь, если ее рассматривать в перспективе, в тенденциях, в возможных ее последствиях. Если же брать ее так, как она есть, в непосредственной данности, то вышеприведенный скептический афоризм недалек от действительности.

Мы не знаем — есть ли у Сталина и его группы хоть какойнибудь свой предумышленный прообраз новых, дальнейших путей развития Революции или он действует эмпирически, импровизируя свои реформы; явно, однако, то, что он как-то прямо «мистически» (настоящий сектантский «священный страх») боится посягнуть на идеи, особенно слова (для сектанта слова, «священные знаки» — главное) старого марксистского катехизиса. А при таком суеверно-сектантском настроении далеко уйти от того, что есть, действительно нельзя.

Во всяком случае нам приходится иметь дело с поразительным психологически или психопатологически явлением: в 20 веке торжества свободно ищущего научного духа, после целой эпохи просветительно-бунтарского Ренессанса, динамического рационализма, отделяющих нас от догматического идиотизма Средневековья, — такой «священный» страх перед тем, что сто лет тому назад изрекли Маркс с Энгельсом! — Что это — особого рода мистически пришибленная одержимость? сектантское, себе на уме, мракобесие? или та, по выражению Достоевского, «умилительная», «трогательная» глупость человеческая, на самом деле поверившая, что Маркс, как некий полубог, все раз навсегда постиг и предрек, все исчерпал и измерил, что с ним духовная история человечества кончилась и дальше миру нечего искать, творить, обновляться, а остается ему лишь «продолжать», «раз-

вивать» и истолковывать то, что дано в «божественном откровении» «первоучителей» и «пророков».

Конечно, если бы эта суеверно-сектантская пришибленность была только индивидуальным явлением, к ней можно было бы только снисходить: мало ли вокруг нас умственного убожества, чужачества и духовного рабства и немочи. Но в данном случае это явление **общественного** порядка и размера; и во имя неприкосновенности текстов этого «священного писания» целый великий народ, как кролик на столе вивисекции, не только безжалостным образом истязается и уродуется полуневменяемыми изуверами, но и подвергается страшной смертельной опасности в смысле самого своего независимого государственного бытия. Когда в Европе решался вопрос о том — быть или не быть новой мировой войне и, следовательно, быть может, гибели всей современной цивилизации, в Москве главы правительства в это самое время занимались вопросами... истории В.К.П. Прежде всего, кому еще нужна «история» этого смердящего на весь мир трупа, этого выродившегося сборища шпионов, предателей, провокаторов и диверсантов? Но главное в том, что в то время как тупоголовые начетчики - изуверы бьются над «вопросами», подобно худшим средневековым схоластам — как нужно толковать — вкривь или вкось, — тот или иной текст своего коммарксистского катехизиса, в это время страшный внешний враг день и ночь готовит все средства нападения, чтоб, воспользовавшись именно хозяйничанием этих преступников-маниаков, поработить целый великий народ, а за одним показать кузькину мать и самим маньякам - изуверам.

Вот эта сектантская подавленность и порабощенность мысли и воли, т. е. подавленность и порабощенность того, что все в мире движет и создает, из чего все созданное человеком исходит и образуется, притом подавленность и порабощенность догме явно устаревшей и уродливо односторонней, скорее негативной и разлагательно-разрушительной, чем созидательной, — и обрекает на бесплодность все те попытки преобразований и реорганизации режима, потребность в которых смертельно необходима и необходима безотлагательно, ибо именно этим, этой Ахиллесовой пятой России — ее режимом, и тем, что теперешняя власть имеет грозный фронт у себя в тылу, в лице собственного народа, надеются и спешат воспользоваться наши внешние враги.

Поэтому, чем дальше затягивается этот своеобразный вариант известной операции — вытаскивания самого себя из болота за собственные волосы, — преодоление Сталиным коммарксизма именем и во имя коммарксизма, тем больше напрашивается роковая и чреватая неисчислимыми последствиями альтернатива: «Петр Великий» или «Николай Кровавый» (прозвище данное самими большевиками Николаю II-му), т. е. великий и бесстрашный реформатор, истинный революционер сверху, который один против целой страны, ломая все

ее традиции и установления, звал ее учиться, творить, думать, а не бессмысленно бормотать «священные тексты», и главное, звал идти вперед, смело навстречу новому; или беспомощно-жестокий и обреченный охранитель — «последний царь», губивший все — страну, народ и самого себя, но «спасавший» осужденный Историей, обреченный — но милый его сердцу — режим. В самом деле: что это — в духе Петра Великого с его настоящей революцией, преобразовавшей Россию снизу до верху или в духе Николая Второго с его сомнительной Думой и «куцой конституцией», лицемерными «реформами» и трусливыми, неискренними уступками?— Возьмем для примера лишь несколько образцов:

Новый советский парламент (сталинская Дума?) по всем правилам легальных государств, — но в «парламенте» этом есть «избранные», были «избиратели», только не было ... самих выборов.

«Самая демократическая в мире» конституция, с «широчайшей» свободой слова, печати, общественных союзов и пр., но право на слово, печать и общественно-политическое творчество имеет фактически лишь 1/100 граждан, т. е. кучка коммарксистских начетчиков и сектантов.

Убийства — физические и моральные — главных носителей коммарксизма в России и делателей революции, но . . . во имя торжества коммарксизма и укрепления революции.

Раскрепощение мысли, лозунг: «передовая наука», но тут же оказывается, что эта «передовая наука» — ничто иное, как... марксизм. И т. д., и т. д.

Появились призывы: «дерзать», творить, смело ставить новые проблемы и пр. Но призыва эти похожи на трагическое издевательство. Ибо в условиях монополярной диктатуры одной идеологии коммарксизма, когда малейший уклон выуживается и карается чуть ли не смертью, призывать мыслить, дерзать — все равно, что птицу, заключенную в клетку, призывать летать. Кроме того, для тамошнего терроризованного населения, эти призывы могут показаться провокацией. Так в начале Нэп-а были даны некоторые «свободы» слова, мысли, но потом в массах было известно, что случилось с теми доверчивыми, кто имели неосторожность этими «свободами» воспользоваться. Мы, конечно, не думаем, что и теперешние призывы к «дерзанию» суть тоже нечто вроде провокации. Но власть, построившая свое управление народом на обмане, убийстве и полном аморализме и беззаконии, должна ждать такого же ответного и к себе отношения, построенного на притворстве, всяческой подпольщине и презрении к закону и престижу власти.

Когда среди невыносимой и невыносимой нашей трагедии во весь рост впервые обозначилась фигура Сталина, как главы государства, и он начал свои реформы, то, вероятно, очень многие в народе с надеждой воскликнули про себя: берег виден. Но вот прошло с тех пор

не мало времени и не мало осуществлено реформ, но хотя «берег» действительно по прежнему виден, мы не приблизились к нему, по видимому, ни на один аршин. Ибо режим, как система, остается. А усовершенствование путем реформ этого же режима есть, собственно, усовершенствование зла, т. е. делание его еще большим.

Но... — и квази-реформаторы должны знать это: возбужденные и неоправданные надежды создают особенно острое состояние отчаяния и ненависти в народе, и в этом состоянии народные массы способны на все. Так было с «реформами» Николая II-го, после которых решимость бороться до конца распространилась не только на все группы населения, еще верившие в легальные и реформистские пути, но и в крайней степени выросла в интенсивности. Тоже может случиться и с реформами Сталина. Он отойдет в Историю или самым прославленным именем, истинно выведшим великий народ из страшной трагедии его, или самым ненавистным именем, последним, худшим из «псов» всей их ленинско-троцкистской своры.

Такова, следовательно, одна возможная сторона нашей альтернативы: Сталин — «последний (большевистский) царь», «Николай Кровавый», беспомощно-жестокый спасатель обреченного Историей режима. Но наряду с ней присутствует и другая возможная сторона этой альтернативы: Сталин — великий преобразователь, революционер сверху, автор некоего превентивного переворота, подобный Петру Великому, Иоанну Грозному, на Западе Наполеону и др. Об этом мы писали неоднократно в предыдущих номерах «Т. Р.», и пока все сказанное там остается в силе. Нельзя преуменьшать уже того, что Сталиным сделано: патриотизм, консолидация России, нормализация и очищение быта, реабилитация интеллигенции, отмена пролетарской сословности и пр. и пр.; каждая из этих полумер — не велика в отдельности, но в сумме это нечто несомненно значительное. Лишь дешевые политиканы или те элементы, определенного назначения, («бараньи головы» при «собачьем мясе»), цель которых совершенно иная: не русская, а анти-русская, могут не замечать и даже охавать все это, сделанное им. Сталин, если он не будет сбиг с толку маневрами и интригами внешними и внутренними врагов России (см. ст. — «Баранья голова и собачье мясо») и закончит тот процесс государственной и национальной консолидации Русского народа, который сейчас там происходит, войдет в Историю, несмотря ни на что, в качестве второго собирателя России, ибо именно при нем закончился ленинский период распада и разбазаривания ее и начался процесс всестороннего воссоединения. Недаром враги России, как таковой, не могут иначе говорить о нем, как с пеной у рта. И конечно, отнюдь не из антибольшевистских побуждений: Троцкий, для которого Сталин — «фашист», «бонапартист», «ликвидатор» революции и пр. и пр., у них не вызывает таких чувств, даже совсем, наоборот... Для нас же эта ненависть врагов России к Сталину есть именно аргумент в пользу его.

Несмотря ни на что, нужно решительно различать сталинскую группу государственников и революционеров - конструктивистов и троцкистскую группу разлагателей и социал - садистов. Первые, как мы уже неоднократно писали, для нас враги условные: нас с ними разделяют остатки неубранного коммарксизма, вторые — враги безусловные, и нас с ними разделяет все и прежде всего Россия и Русский народ, заклятыми врагами которых они являются. Все данные, идущие из России, в частности, сообщения тамошних корреспондентов наиболее солидных иностранных газет, свидетельствуют, что в этом мы не пребываем в отрыве от преобладающих настроений народных масс, которые действительно в Сталине усмотрели не то нового Иоанна Грозного, за его расправы над коммарксистскими боярами, не то нового Петра за его реформы и новую, «третью» революцию сверху.

Чтобы понять основную ориентационную линию, которой, повидимому, следует Сталин, нужно освободиться от традиционной и непригодной уже схемы - классификации общего положения в России: всякое правильное объяснение фактов начинается с их правильной классификации. Вся путаница в представлениях эмиграции и иностранного общественного мнения насчет положения в России происходит из того, что они продолжают по-прежнему следовать традиционно-банальной, двойной схеме борющихся там сил: официально-господствующих элементов и подъяремно-оппозиционных. В действительности, в теперешней, еще не пореволюционной, но уже и не революционной России, нужна не двучленная, а трехчленная схема — классификация, в свете которой многое представляется радикально иным.

Согласно этой схеме - классификации в России существуют и борются три главные силы и рода настроений: **основная**, решающая — новая национально-народная стихия и две **побочных**: слева — деградирующие и распыляющиеся остатки коммарксизма, — наиболее чистое выражение — троцкизм, и справа — остатки старой до-революционной России, также все более тающие и распыляющиеся.

И вот Сталин все время балансирует между главной и основной из этих трех сил, все вырастающей и консолидирующейся, и побочной слева, все более разлагающейся и тающей. И так как первая все более консолидируется и вырастает, а вторая все более разлагается и распыляется, то и он все более уходит от второй и сближается с первой. Но хватит ли у него мужества, решимости и исторической прозорливости, чтоб окончательно порвать со второй и возглавить первую, — то, на что хватило Наполеона и что обусловило его чудесную военно-политическую звезду — это вопрос биографического порядка, и тут никакие, социологически обоснованные прогнозы, невозможны. Но если довольствоваться уловле-

нием одних тенденций, то указанное направление его эволюции не оставляет пока никаких сомнений.

Во всяком случае тот несомненный факт, что во всей совершающейся эволюции в России происходит превращение марксистской идеократии в сталинскую автократию и, тем самым, превращение как бы истории в биографию, этот факт сам по себе чреват некоторыми многообещающими возможностями.

Платон видел преимущество самовластия перед демократией в том, что в нем достаточно убедить или приобщиться к истине одному. Мы здесь, разумеется, не взываем к Сталину, к его чувству ответственности и высшему здравому смыслу, не напоминаем ему, что при таком режиме автократии в значительной мере от него зависит судьба многих поколений всей России и через нее — всего прогрессивного человечества. Но все же мы полагаем, что даже если бы ему были чужды чувства российского патриотизма, хотя он — один из сынов многоплеменной России, то помимо побуждений простой гуманности, которой не могут быть безразличны судьбы двухсотмиллионного народа, стоящего сейчас под угрозой иноземного рабства и гибели, быть может, самого его государственного бытия,—помимо этого не может он не понимать, что Россия в нашу эпоху — величайший и даже решающий фактор общеисторического прогресса, и что победа над ней в данном случае расистской Германии была бы победой «катавизма над историческим прогрессом, победой зоологии над Историей» (См. «К врагам Русск. народа»). А такая победа Германии и поражение России — неизбежны, если теперешняя власть не преодолеет страшный фронт у себя в тылу, фронт в лице собственного народа и не вступит мужественно и, главное, своевременно на путь замирения страны и ее соц.-политической нормализации.

П. Боранецкий.